

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЧЕСТНЫМИ НАМѢРЕНІЯМИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (*).

I.

ПРІВЗДЪ.

Тыртолѣсская крѣпость принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ крѣпостей того края, въ которомъ она расположена. Не смотря на это, она не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, въ своей наружности, ничего грознаго, говорящаго о ея значеніи. Посреди похжей на степь долины, перерѣзанной нѣсколькими быстрыми рѣчками, стоитъ, прислонившись къ одной изъ нихъ, Тыртолѣсскъ. Нѣсколько десятковъ домиковъ, очевидно построенныхъ на счетъ казны, потому что являли большое между собою сходство и съ усиліемъ старались не выходить изъ «планта»; нѣсколько казенныхъ зданій и пять—шесть частныхъ «домовъ» составляли внутренность Тыртолѣсска съ трехъ фасовъ.

(*) Часть первая, см. «Воен. Сборн.» 1858 г., №№ 2-й и 3-й.
Т. VIII. Отд. II.

Все это окружено довольно глубокимъ ровомъ и на столько же высокимъ землянымъ валомъ. Часть четвертаго, рѣчнаго фаса, занимали: цитадель, переброшенный черезъ рѣчку мостъ, рядъ домовъ, сосѣднихъ ближайшему фасу, и солдатскіе огороды. Эти послѣдніе, вмѣстѣ съ «господскими» и съ «казенными» садами, пріютились на полуостровѣ, образуемомъ теченіемъ рѣки Тырты. Обиліе зелени, которая здѣсь и въ октябрѣ очень не много теряетъ своей свѣжести, дѣлало видъ Тыртольска похожимъ на оазисъ среди пустыни. Сквозь густыя вѣтви ближайшихъ къ нашей дорогѣ деревьевъ, красиво выказывались бѣлыя стѣны каменныхъ—то длинныхъ зданій.

Проѣхавъ въ высокія крѣпостныя ворота, на вершинѣ которыхъ красовался черный двуглавый орелъ съ красною грудью—мы были остановлены караульнымъ ефрейторомъ, вышедшимъ съ ружьемъ на плечѣ изъ каменной гаубтвахты, стоявшей у самыхъ воротъ.

— Честъ имѣю спросить чинъ и фамилію и откуда пріѣхать изволили? сказалъ онъ мнѣ.

— Такой-то, изъ Краснобѣльска; а гдѣ бы, любезный, квартиру мнѣ найти?

— Пожалуйте, ваше благородіе, я укажу, отозвался какой-то унтеръ-офицеръ, явившись передо мною какъ грибокъ послѣ дождя.

— А ты кто такой?

— Я базарный, ваше благородіе.

— Ну, покажи, братъ.

— Вамъ на время, ваше благородіе, или на долго?

— На долго; поэтому, ты постарайся найти квартиру по удобнѣе: на водку получишь.

— Такая одна на всемъ Форштадтѣ: у прежняго подрядчика гошпитальнаго; прикажете, ваше благородіе?

— Да чтожь дѣлать, когда больше нѣтъ! А много комнатъ? службы есть?

— Цѣлыхъ три горницы; а службы есть всякія, только поправить надо, повалившись совсѣмъ....

— А вотъ посмотримъ; ступай, братецъ, впередъ, а мы за тобою.

— Вотъ гошпиталь! говорилъ базарный, когда мы проѣзжали мимо длинныхъ одноэтажныхъ зданій, которыя я замѣтилъ

еще издалека. Взглянувъ на нихъ, я нашелъ, что вблизи они вовсе не такъ хороши, какими казались издали: штукатурка во многихъ мѣстахъ отпала и выказывала очень не привлекательныя трещины, выбоины и пятна, скрывавшіяся по временамъ въ окружавшей ихъ зелени.

Наконецъ, мы подѣхали къ дому. То, что представилось нашимъ глазамъ, вовсе не оправдывало такого названія; подобно секретарскому дому въ Краснобѣльскѣ, и этотъ выходилъ на улицу однимъ широкимъ же окномъ; но его можно было замѣтить только чрезъ скважины высокаго полусгнившаго плетня, окружающаго уличный фасъ «дома». Въ глубину двора, онъ выдвинулся на двѣ комнаты, миниатюрнѣе которыхъ, кажется, не могло быть. Низенькія и маленькія «службы» носили это названіе только по преданію, потому что въ настоящую минуту, провалившіяся соломенные кровли и упавшіе, по случаю гнилости, столбы, которые поддерживали ихъ, не представляли никакой возможности распознать, что это такое было: строенія какія нибудь, или складъ лѣса съ мусоромъ вмѣстѣ. Въ довершеніе всего, задняя комната, изъ которой мы хотѣли было сдѣлать дѣтскую, висѣла на самомъ краю крутѣйшаго берега быстрой рѣчки Тырты, которая такъ сильно подмываетъ берегъ, что земля обвалилась изъ-подъ дома уже на пол-аршина и обнаружила деревянные балки фундамента, тоже до нѣкоторой степени подгнившія.

— Неужели, лучше этого дома нѣтъ въ Тыртолѣсскѣ? спросила жена, съ ужасомъ разсматривая наше будущее жилище.

— Никакъ нѣтъ сударыня! отвѣчали въ одинъ голосъ базарный и вышедшій изъ комнатъ инвалидъ, должно быть, домовой сторожъ:—лучше этого нѣтъ: всѣ заняты господами.... Ну а изъ этихъ-то, продолжалъ ужь одинъ базарный, имѣвшій по видимому наклонность къ болтовнѣ:—точно есть хорошіе дома, самые, то есть, господскіе: и въ три горницы есть.... и въ четыре горницы есть.... а одинъ домъ, такъ въ пять окошекъ! Какъ есть господскій домъ!... господскій, какъ слѣдуетъ быть....

Приказавъ людямъ нести вещи въ комнаты, гдѣ, мимоходомъ сказать, не оказалось и трехногаго стула, я вздумалъ пойти сейчасъ же въ госпиталь, чтобъ инкогнито взглянуть на то, чего, быть можетъ, не увижу, когда буду посѣщать его въ своемъ официальномъ званіи. Расположеніе въ комнатахъ вещей я предо-

ставилъ женѣ, на томъ основаніи, что занятіе это не могло быть очень обременительно; всѣ наши пожитки заключались въ нѣсколькихъ сундукахъ и подушкахъ. Съ своей стороны, я считалъ долгомъ позаботиться только о болѣе безопасномъ помѣщеніи для нашей коляски, которая хотя возила къ вѣнцу еще бабушку моей жены, но все-таки, изъ всего нашего имущества, составляла самый драгоценный перлъ. Распорядившись такимъ образомъ, я отправился въ госпиталь, отъ котораго наша квартира находилась не болѣе какъ въ 30 шагахъ. Это удобство нѣсколько сгладило въ моихъ глазахъ неблагоприятность остальныхъ условій нашего жилища.

Былъ вечеръ; заходившее за ближайшія горы солнце спѣшило наглядѣться на себя въ лужицахъ, образовавшихся послѣ недавняго дождя. Взглядъ свѣтила казался особенно ласковымъ и послѣдніе лучи его, отражаясь на свѣжемъ камышѣ тыртолѣскихъ крышъ и на небольшихъ стеклахъ въ солдатскихъ домикахъ, дѣлало въ эту минуту Тыртолѣскъ прехорошенькимъ и прелеселенькимъ мѣстечкомъ. Но въ особенности поразила меня игра солнечныхъ лучей на большихъ стеклахъ въ госпитальныхъ зданіяхъ: фантастическіе узоры непрерывно мѣнялись, и переливаясь всѣми цвѣтами радуги, то быстро исчезали, то вдругъ снова появлялись въ болѣе разнообразныхъ и заманчивыхъ видахъ. Зрѣлище было по истинѣ удивительное, и я никакъ не могъ объяснить себѣ причины этого до тѣхъ поръ, пока не подошелъ къ самымъ окнамъ. Тутъ я убѣдился, что причина заключалась въ самомъ простомъ явленіи: стекла, по видимому, очень долго были не мыты, и по выраженію Брыковскаго, «ажъ заиндивѣли», представляя собою, и безъ содѣйствія солнца, очень хорошенькіе узоры шинэ, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, по временамъ составлявшихъ изъ себя одинъ сизый.

На дверяхъ зданія, къ которому я подошелъ, висѣла небольшая черная доска, съ надписью: «1-й больничный корпусъ». Сначала я былъ доволенъ, что приходъ мой никѣмъ не былъ замѣченъ и не произвелъ никакой суматохи, обыкновенно начинающейся въ госпиталяхъ съ приходомъ начальника или посторонняго посѣтителя. Потомъ оказалось, что и этому причина была очень натуральная: въ палатномъ корридорѣ, шедшемъ во всю длину зданія шаговъ на восемьдесятъ, не было ни одного служителя, а въ самыхъ палатахъ я нашелъ только одного, ко-

который, раскинувшись на постели, спалъ крѣпкимъ сномъ, заражая спиртуознымъ дыханіемъ воздухъ цѣлой палаты. Замѣтно, что онъ упалъ на улицѣ: вся его одежда была сильно испачкана грязью, уже приставшею въ большомъ количествѣ и къ одѣялу. Лицо солдата было до того красно, что, опасаясь апоплексіи, я рѣшился разбудить его. Принятый больными въ толчки, пьяница приподнялъ голову, окинулъ окружавшихъ его людей мутнымъ взглядомъ, и отозвавшись ругательствомъ, снова упалъ на подушку.

— А гдѣ же, братцы, другіе ваши служителя? спросилъ я у больныхъ.

— Должно за ужиномъ пошли, ваше благородіе, отвѣчали голоса.

— Ну, а кто же теперъ подастъ напиться трудному больному, или пособить ему въ чемъ другомъ?

— Да мы сами сходимъ по-воду, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ усачъ: — намъ, вѣдь, не въ первой этотъ пьяница, — онъ указалъ на спавшаго служителя: — почитай каждый день вотъ эдакъ—то напивается... откуда только деньги беретъ?... не даромъ платочки да наволочки изъ палаты пропадаютъ... онъ напьется, а товарищу его двойная работа, да еще и поклѣпъ... такъ мы не только воды принести, а и полы подотремъ и пинцу самъ себѣ всякій возьметъ, кто можетъ... Неблагородный человекъ! заключилъ усачъ.

— Отчего жъ вы не жалуетесь начальству?

— И, ваше благородіе! мы не жалуемся и на кого другаго, а не то, что на своего брата, солдата!... Только кляузы заводить... Не стойтъ, ваше благородіе: гдѣ наше солдатское не пропадаетъ... Господь съ нимъ. Вѣдь шкура—то у него одна.

Нашъ солдатъ, вообще, не охотникъ жаловаться на судьбу, а тѣмъ менѣе станетъ жаловаться тому, въ комъ видитъ главнаго или непосредственнаго своего начальника. Я это зналъ по опыту, и если сдѣлалъ послѣдній вопросъ, то собственно потому, что онъ былъ вызванъ предъидущими словами усача. Откровенность его меня удивила, и по всей вѣроятности, она была вызвана моимъ старымъ дорожнымъ сюртукомъ безъ эполетъ, который, хотя и обличалъ офицера, но все же «не изъ нашихъ господъ».

— Ну, хорошо, сказалъ я: — позовите же ктонибудь ко мнѣ унтеръ-офицера, который завѣдуетъ этимъ корпусомъ.

— Надзирателя? Сейчасъ, ваше благородіе!

Одинъ изъ больныхъ отправился за надзирателемъ, громко шлепая своими туфлями.

— А хорошо васъ кормятъ, ребята? спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ больнымъ, но остановивъ свой взглядъ на усачѣ, который, повидимому, пользовался въ этой палатѣ большимъ авторитетомъ.

Больные молчали. Нѣкоторые изъ нихъ опустили глаза, а другіе устремили ихъ на усача, какъ бы уполномочивая его сдѣлать за нихъ отвѣтъ. Усачъ искоса посмотрѣлъ на меня, и даже, какъ мнѣ показалось, немного нахмурился, отчего бравая его физиономія получила еще болѣе воинственное выраженіе. Помолчавъ немного, онъ исполнилъ желаніе товарищей, и при томъ, сверхъ ожиданія, сказалъ голосомъ вполнѣ твердымъ.

— Теперича хорошо, ваше благородіе, довольны всѣмъ! сказалъ онъ, продолжая, однако, смотрѣть на меня съ какою-то недовѣрчивостію, чтобъ не сказать съ неприязнію.

— А прежде жъ какъ?

— Чтò жъ, ваше благородіе, надо правду говорить: при прежнемъ смотрителѣ намъ не такъ-то ловко было...

— А чтò?

— Да насчетъ пиши...

— Ну, чтò же?

— Да, что, ваше благородіе: прежни щи, хоть бѣлье по-лощи.

Больные засмѣялись.

— Ну, а не обижаютъ васъ? продолжалъ я, желая удостовѣриться въ искренности перваго отвѣта.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!... Да кто жъ станетъ солдата обижать? отвѣчалъ тотъ же усачъ, улыбаясь доброю и отчасти грустною улыбкою:—вѣдь у насъ ничего нѣтъ... вотъ, кабы было чтò...

— Это точно, ваше благородіе... Это справедливо! заговорили прочіе больные.

Бѣдняки!!...

Наконецъ явился «надзиратель больныхъ». Это былъ еще не старый человѣкъ, но истощенная и одутловатая физиономія краснорѣчиво говорила о его наклонностяхъ, а распространившійся около него запахъ имѣлъ одинаковый букетъ съ тѣмъ, который уже носился въ палатѣ.

— Ты надзиратель этого отдѣленія? спросилъ я у него.

— Я! отвѣчалъ онъ, не безъ любопытства оглядывая меня и мой, порядкомъ потертый, сюртукъ.

— Какъ же ты, братецъ, допускаешь этакіе беспорядки? спросилъ я опять, указывая на спящаго солдата.

— Что жь? Вынимши человѣкъ! отвѣчалъ онъ, тоже указавъ на него пальцомъ.

— Да какъ же это ты говоришь такъ, любезный? продолжалъ я, невольно вспомнивъ анекдотъ о Гинтерѣ.

— Да также и говорю, равнодушно отвѣчалъ онъ, отворачиваясь отъ меня съ намѣреніемъ уйти.

— Пстой! сказалъ я, съ удивленіемъ глядя на него:— опомнись, любезный!... Развѣ ты можешь говорить эдакъ съ офицеромъ?... Ты знаешь, что тебѣ за это будетъ?

— Знаю, что будетъ! отвѣчалъ надзиратель, съ прежнимъ спокойствіемъ: — да только много сюда ходитъ всякаго народа устанавливать порядки... На всякаго не угодишь! заключилъ онъ, выходя изъ палаты.

«Да, госпиталь, дѣйствительно, изъ рукъ вонъ, плохъ», думалъ я, посматривая во слѣдъ удалявшемуся надзирателю:— «много хлопотъ мнѣ предстоитъ... Однако, теперь я видѣлъ то, хуже чего, кажется, трудно встрѣтить самому непроницаемому инкогнито... Довольно! пойду лучше являться начальству». Въ это время подошли служители. Приказавъ вынести изъ палаты пьянаго ихъ товарища, я пошелъ домой.

Прежде всего мнѣ слѣдовало явиться къ воинскому начальнику, отъ котораго, кстати, я могъ узнать, когда слѣдуетъ представиться генералу.

Въ то время, когда Захаръ подавалъ мнѣ въ первой комнатѣ одѣваться, дверь съ шумомъ растворилась и въ комнату вскочилъ молодой, небольшого роста унтеръ-офицеръ, цвѣтомъ лица похожій на варенаго рака. Онъ такъ запыхался, что остановился тогда только, когда почти столкнулся со мною. Цѣлую минуту онъ не могъ ничего выговорить и стоялъ предо мною разинувъ ротъ и выпучивъ глаза. Удивленный этимъ явленіемъ, я тоже смотрѣлъ на него съ немалымъ любопытствомъ, ожидая, что онъ мнѣ скажетъ. Наконецъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, онъ прокричалъ скороговоркою:

— Господинъ поручикъ! по госпиталю и по ротѣ обстоитъ все благополучно; новаго ничего нѣтъ.

«Плохо!» подумалъ я, невольно вспомнивъ рассказъ управляющаго о состояніи госпиталя.

— Кто ты такой? спросилъ я, не безъ участія разсматривая его необыкновенно здоровое, но до крайности усталое лицо.

— За фельдфебеля, ваше благородіе!

— Какъ твоя фамилія?

— Барабановъ, ваше благородіе!

— А это кто? опять спросилъ я, замѣтивъ чью-то высунувшуюся изъ дверей физиономію.

— Къ вашему благородію, ваше благородіе!

— Кто жь такой?

— Отъ подвижной инвалидной роты на вѣсти присланъ! проговорилъ за вѣстоваго самъ фельдфебель.

— Ну, хорошо, любезный! Ступай себѣ съ Богомъ, а вѣстовой пусть проводитъ меня къ воинскому начальнику. Гдѣ онъ живетъ?

— Въ цыдатели, ваше благородіе; въ казенномъ домѣ.

— Хорошо, ступай себѣ!

— Слушаю, ваше благородіе! А госнодину маіору прикажете доложить о вашемъ прибытіи?

— Какому это маіору?

— Его высокоблагородію Карлу Абрамычу.

— А кто это Карлъ Абрамычъ?

— Господинъ маіоръ Сизоперцовъ, помощникъ, завѣдуетъ гошпиталемъ.

— Какъ хочешь... Ступай себѣ, любезный!

«Сизоперцовъ!» думалъ я, оставшись одинъ:—«какой же онъ нѣмецъ? Имя нѣмецкое, а фамилія вонъ какая... Странно! Да вѣрно фельдфебель перевралъ: нашъ солдатъ вѣчно перекрестить нѣмецкую фамилію на русскій ладъ... Сизоперцовъ!... какая бы это фамилія была?...»

II.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НАЧАЛЬСТВУ.

Перейдя мостъ, соединяющій цитадель съ форштатомъ, и вслѣдъ за тѣмъ вступивъ чрезъ каменные ворота въ самую цитадель, я сразу увидѣлъ всю ея внутренность: у самыхъ веротъ лѣпилась гаубтвахта; нѣсколько пороховыхъ погребовъ разбросаны по угламъ; три, четыре ветхихъ домика, построенныхъ изъ сырцоваго кирпича, тянулись по протяженію вала, немного отступивши отъ него. Посреди всего этого, фасадомъ къ воротамъ, красовался длинный деревянный домъ, но тоже ветхій и покрытый камышомъ. Сначала я принялъ его за квартиру воинскаго начальника, и потому направился было прямо къ нему.

— Не туда, ваше благородіе! сказалъ шедшій сзади вѣстовой.

— Куда же? спросилъ я.

— А вотъ, направо-то, посередь полисадника худой домъ стоитъ.

Подойдя ближе къ худому дому, я удостовѣрился, что онъ дѣйствительно худой, хуже всѣхъ остальныхъ; низкій, съ камышевою почернѣвшею отъ времени крышею. Глина, которую домъ былъ обмазанъ, вездѣ почти облѣзла и обнаружила сильно погнившія бревна; оконные переплеты покосились, стекла въ рамахъ оказались того же сизаго цвѣта, какъ и у меня въ госпиталѣ. Вокругъ всего «зданія» шла плетневая завалинка, тоже смазанная глиною, и очевидно устроенная съ цѣлью предоставить обитателямъ худаго дома возможность присаживаться на нее въ хорошую погоду, чтобы съ большимъ удобствомъ любоваться природою. Представителями ея здѣсь были: двѣ, три акаціи и два три куста крыжовника. Однако, въ настоящее время, завалинка эта, къ употребленію своимъ званіемъ, оказалась негодною; потому что въ ту минуту, какъ я вошелъ въ палисадникъ, сидѣвшіе на ней два господина, одинъ въ мундирѣ съ штабъ-офицерскими эполетами, а другой по домашнему, въ красной шелковой рубашкѣ и отмѣнно широкихъ панталонахъ — внезапно спустились на землю съ поднятыми къ верху ногами; при чемъ, бывшія

у нихъ трубки выскочили изъ рукъ и отлетѣвъ далеко на землю высыпали цѣлые фонтаны искръ.

— Самъ комендантъ упалъ! вскричалъ вѣстовой голосомъ, выражавшимъ удивленіе—какъ это комендантъ могъ упасть.

— А другой кто? спросилъ я, вздрогнувъ при мысли о близости пороховыхъ погребовъ.

— Это ихніе братцы! отвѣчалъ вѣстовой: — погостевать пріѣхали.

Въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, пока упавшіе офицеры вставали, отряхивались и бранили «казенщину»,—я успѣлъ рассмотреть этихъ двухъ жертвъ невнимательности дистанціоннаго инженера къ состоянію находящихся въ его вѣдѣніи казенныхъ зданій. Комендантъ, высокій дорожный мужчина, съ добрымъ лицомъ, живыми сѣрыми глазами, въ которыхъ отражалась пронія, и съ просѣдою въ волосахъ. «Ихніе братцы»—тоже высокій, но черноволосый человекъ, не имѣвшій, впрочемъ, въ своей наружности ничего особеннаго.

На восклицаніе, вызванное ихъ паденіемъ, изъ дома выбѣжала какая-то женщина въ престранномъ костюмѣ: на головѣ было у нее бѣлое покрывало въ родѣ грузинской чадры; на ногахъ голубые широкіе шальвары, а вмѣсто платья желтая шелковая рубашка, подобранная въ серединѣ подъ серебряный поясъ, открывавшая такимъ образомъ на четверть отъ земли пару небольшихъ и довольно стройныхъ ногъ. Лицо ея, прикрытое не много покрываломъ, я успѣлъ рассмотреть на столько, чтобы опредѣлить его азійскій типъ; и лишь только замѣтила она мое присутствіе, немедленно скрылась, и тѣмъ невольнo привела мнѣ на память подобное же явленіе въ квартирѣ Драгунова.

«Ну, видно такой ужъ климатъ въ Краснобѣльскомъ краѣ! невольнo подумалъ я, провожая взглядомъ комендантское «бѣдствіе».

Когда послѣдствія паденія были изглажены, я подошелъ къ «коменданту», какъ обыкновенно здѣсь зовутъ воинскихъ начальниковъ.

— Имѣю честь явиться, сказалъ я, называя себя.

— Очень пріятно познакомиться! отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ руку и не безъ любопытства разсматривая мою «физиономію»: — а мы вотъ, по милости инженеровъ, чуть шеи себѣ не свернули... Двадцать разъ, кажется, писалъ, чтобы посвѣщили исправлені-

емъ зданія; грозилъ опасностью лишиться комунибудь жизни: ничто не беретъ!... То говорятъ, не вошло въ смѣту; то вошло, да еще не вышло; то вотъ-вотъ выйдетъ разрѣшеніе; да эдакъ то ужь третій годъ водятъ.... А все отъ того, что зданіемъ завѣдываетъ вашъ инженеръ госпитальный! — закончилъ онъ съ выраженіемъ упрека, относя его какъ бы лично ко мнѣ.

— Чѣмъ же тутъ виноватъ госпитальный инженеръ? — спросилъ я, рѣшившись вступиться за незнакомаго человѣка, ради того, что онъ названъ «моимъ»: — мнѣ кажется, что крѣпостныя зданія должны находиться въ вѣдѣніи мѣстной инженерной команды; по этому, скорѣе «вашъ» инженеръ виноватъ въ несправности этого дома.

— Нѣтъ, точно, «вангъ»: это зданіе находится въ числѣ госпитальныхъ... О, еслибъ оно состояло у насъ! — продолжалъ комендантъ, являя на своемъ лицѣ одушевленіе: — давнымъ бы давно было исправлено: нашъ генералъ, орелъ на это — мѣшкать не любить: чуть что не такъ — всѣхъ подыметъ на ноги; и завтра, вы ужь не увидите той несправности, которую замѣтили сегодня.

Комендантъ быстро взглянулъ мнѣ въ лицо, съ худо-скрытымъ намѣреніемъ подмѣтить, какое дѣйствіе произведетъ на меня панегирикъ его генералу.

— Это очень пріятно слышать, сказалъ я.

— Да! продолжалъ онъ, не спуская съ меня глазъ: — весело служить съ нимъ!... Самъ встаетъ до-свѣту, а подчиненные не звѣвай у него. За то, и службу нашу поощряетъ, да притомъ такимъ манеромъ, что не столько бываютъ для насъ пріятны чинъ, или крестъ, которые дадутъ по его представленію, какъ если скажетъ доброе слово, или руку пожметъ.... Ну, за то, ужь если кому не подалъ руки, — такъ тотъ цѣлую недѣлю какъ больной ходитъ. Такъ вотъ онъ «лютый звѣрь!» подумалъ я, припомнивъ отзывъ секретаря о Тыртольскомъ генералѣ, и сообразивъ его съ теперешнимъ отзывомъ коменданта.

— Очень, очень пріятно слышать это! — повторилъ я, съ выраженіемъ непритворной радости.

Это успокоило коменданта и онъ пересталъ смотрѣть на меня испытующимъ взглядомъ.

— Ну и я радъ, что нашъ генералъ вамъ нравится, сказалъ онъ: — это добрый знакъ.... я даже общаю вамъ, что когда

увидите его, такъ онъ еще больше понравится.... Ну, а вотъ, предмѣстникъ-то вашъ не больно подлюбливалъ его; да правду сказать, за дѣло и не любилъ: онъ отрѣшилъ его отъ должности.

Комендантъ засмѣялся.

— Да милости прошу въ комнаты! продолжалъ онъ, дѣлая рукою пригласительный жестъ:— чаю не хотите ли? Мы сейчасъ кончили, да еще есть.... Захаровъ! подай чаю! Мы вошли въ комнаты. Внутренность ветхаго дома находилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ совершенной гармоніи съ наружностью, а все это, взятое вмѣстѣ, со включеніемъ даже холостаго убранства комендантской квартиры, представляло разительное сходство съ тѣми низенькими, деревянными, повалившимися на бокъ домами, которыхъ такъ много во всѣхъ городахъ Россійской имперіи, и которые, холостыми людьми всѣхъ возрастовъ, сразу узнаются по кисейнымъ, немного грязнымъ занавѣскамъ, скрывающимъ отъ любопытныхъ взоровъ внутренность комнатъ. Были и здѣсь эти занавѣски; не было только тяжелаго запаха, стоящаго около каждаго изъ подобныхъ домовъ, какъ безсмѣнный часовой. Вмѣсто того, въ комендантской квартирѣ слышался запахъ турецкаго табака и простодушія, если только можно такъ выразиться.

Поговоривъ съ комендантомъ о моихъ будущихъ сослуживцахъ по госпиталю, и узнавъ, что въ генералу являются сейчасъ послѣ вечерней зори, мы разстались.

Около восьми часовъ вечера, я пришелъ къ генеральскому дому, очень живописно расположенному противъ бульвара. Замѣтно, что много хозяевъ хозяйничало къ эгомъ домѣ; что у каждаго изъ нихъ былъ свой собственный вкусъ, совсѣмъ не похожій на вкусъ предмѣстника, и что каждому изъ нихъ хотѣлось заявить свой вкусъ на этомъ домѣ. Множество пристроекъ: къ дому, надъ домомъ, около дома—краснорѣчиво подтверждали это; а отдѣлка и убранство его внутри, какъ въ послѣдствіи оказалось, дѣлали такое предположеніе окончательно правдоподобнымъ. Длинный и разнокалиберный фасадъ дома очень мило выглядывалъ изъ густой зелени обширнаго сада, отдѣленнаго отъ бульвара узенькимъ проулкомъ, который, впрочемъ, у самага подъѣзда, обращался въ довольно обширную площадку. Не вдалекѣ играла, и притомъ очень не дурно, полковая музы-

ка. Не смотря на сырость послѣ недавняго дождя, на бульварѣ было много гуляющихъ. Толкотня была порядочная, потому что тыртолѣсское гульбище состоитъ всего изъ трехъ аллей, изъ которыхъ, даже одна, дальняя, предоставлена во владѣніе людей, не принадлежащихъ къ мѣстной аристократіи. Между этими послѣдними, одиноко возвышалась дородная фигура коменданта, расхаживавшаго самъ-другъ съ своею саблей, очень граціозно перекинутою черезъ руку и потому, нѣкоторымъ образомъ, игравшею роль дамы. Видимое стараніе держать себя въ отдаленіи отъ мѣста, гдѣ находилось общество, говорило о его наклонности къ уединенію. Въ послѣдствіи, это оправдалось: онъ былъ усерднымъ и исполнительнымъ служакоюй, но не любилъ общества вообще, а дамскаго въ особенности.

Ни одного фрака, или какого нибудь другаго «цивильнаго» костюма, не замѣтилъ я на бульварѣ: всѣ были одѣты въ военное платье. Наружность и манеры гуляющихъ, ихъ осанка, походка, все имѣло что-то боевое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромно, разумное, симпатичное. Даже дамы, которыхъ было очень много на бульварѣ, казались совсѣмъ не похожими на нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ барынь: можетъ быть, близость непріятеля и громъ военныхъ дѣйствій, не рѣдко отдающійся и въ салонахъ тыртолѣсскихъ обитательницъ, напечатлѣли на ихъ физиономіяхъ выраженіе смѣлое, развязное, но вмѣстѣ, граціозное, милое. Словомъ, Тыртолѣсскій бульваръ показался мнѣ очень приличнымъ. Но онъ поразилъ меня еще одною особенностью, при условіяхъ жизни тыртолѣсскаго общества, большинство котораго, конечно, мужскаго пола, проводитъ половину года въ полѣ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, — страннымъ казалось совершенное отсутствіе воинственности въ манерахъ и во всемъ обращеніи тыртолѣсской молодежи: она не проявлялась ни отрывистою «военною» рѣчью, ни звукомъ шпоръ, ни стукомъ сабли. Невольно припомнилъ я въ эту минуту грозное бряцанье оружія на мирныхъ улицахъ нашихъ столицъ и городовъ — на проспектахъ и на гуляньяхъ за-городомъ. Я не могъ удержаться, чтобъ не сообщить замѣчанія объ этомъ контрастѣ коменданту. Онъ улыбнулся.

— Для шiku, должно быть! сказалъ онъ съ добродушной ироніею: — извѣстно, у васъ тамъ время мирное, а косточки у прапорщиковъ да у корнетовъ военныя: показать-то себя хо-

чется; ну и брэнчать собѣ.... встрѣчные Нѣмцы дорогу даютъ, порядочныя женщины, небось, совсѣмъ въ сторону; городовые подъ козырекъ,—ну, оно, знаете, и любо.... Прислать бы ихъ сюда, заключилъ комендантъ:—тутъ бы не брэнчали.

Наблюдения мои были прерваны барабаннымъ боемъ, раздавшимся съ маленькой гауптвахты, возлѣ самаго бульвара. Барабанную аппель подхватила музыка, и обратила ее въ вечернюю зорю. Съ первыми звуками этой лебединой пѣсни солдатскаго дня—съ бульвара потянулись къ подъѣзду генеральскаго дома офицеры при сабляхъ, а нѣкоторые и въ шарфахъ. Къ нимъ присоединился и я.

Обширная приемная комната, въ которой остановились мы дожидаться генерала, поразила меня своимъ оригинальнымъ видомъ; высокая, отдѣланная въ восточномъ вкусѣ, съ чудесными своими каминами, она представляла бы собою одинъ изъ любимѣйшихъ пріютовъ какого нибудь падишаха, еслибъ очарованіе это не разрушалось россійскаго произведенью мебелью, тѣсно разставленною по протяженію стѣнъ. Трое высокихъ дубовыхъ дверей, пробитыхъ въ разныхъ стѣнахъ, блестяи разноцвѣтною фольгой, врѣзанной въ нихъ фантастическими узорами, которые, вмѣстѣ съ арабесками, выведенными на потолокъ и на трехъ каминахъ, составляли одно великолѣпное, удивительное цѣлое. Находящаяся противъ насъ дверь, въ половину была отворена и показывала внутренность слѣдующей комнаты, отдѣланной точно также, какъ и эта, но кромѣ того, устланной и обитой по всѣмъ стѣнамъ богатыми коврами. Мебель ея состояла изъ низенькихъ, тянувшихся кругомъ стѣнъ, дивановъ, покрытыхъ тоже коврами, но еще болѣе цѣнными.

Не долго мы ждали. Справа отъ насъ, отворилась дверь и въ приемную скорыми шагами вошелъ генералъ. Пока принималъ онъ письменные и словесные рапорты отъ коменданта и отъ офицеровъ, стоявшихъ выше меня, я съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ лицо «грознаго начальника». Высокій, очень высокій ростъ и необыкновенно статная фигура, дѣлали его красавцомъ, не смотря на пожилой возрастъ. На его головѣ, нѣтъ ни одного волоса; но какъ хороша эта голова! Ни одна красавица не отказалась бы дать ей мѣсто на своей груди; ни одна изъ нихъ, не отказалась бы отъ наслажденія дѣлать и миловать эту чудную, гладкую и блестящую какъ сталь голову.

Мужественное лицо, взглядъ, полный энергій и благородства, скромныя, безукоризненныя манеры—все, все должно было возбуждать симпатію къ нему въ каждомъ. Словомъ, генералъ нашъ олицетворялъ собою типъ рыцарской красоты. Не даромъ, солдаты зовутъ его отцомъ своимъ; не даромъ и комиссаріатскіе чиновники называютъ его «лютымъ звѣремъ»...

Между тѣмъ, генералъ обошелъ всѣхъ и остановился наконецъ противъ меня.

— Очень радъ, что вы пріѣхали, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мою, приличную случаю, фразу:—поспѣшите принять госпиталь и займитесь имъ пристально: я надѣюсь, что увижу его въ скоромъ времени не такимъ, какимъ видѣлъ до сихъ поръ.

За тѣмъ генералъ раскланялся, и мы отправились по своимъ мѣстамъ.

III.

ПОДЧИНЕННЫЕ.

— Имю честь явитьца: комысаръ тытулярный совитныкъ Гаврушпенко!

Этимъ привѣтствіемъ встрѣтилъ меня въ первой комнатѣ моей квартиры, сухощавый, небольшого роста чиновникъ, въ куцомъ комиссаріатскомъ мундирѣ, шитомъ, должно быть, какииъ нибудь казеннымъ портнымъ, можетъ быть, даже, госпитальнымъ, и съ тощею шпажонкой, понавшеюся какимъ-то слушаемъ проежду его ногъ.

— А, это другая моя жена! мелькнуло у меня на умѣ.

— Очень радъ съ вами познакомитса! сказалъ я не безъ любопытства оглядывая человекъ, должность котораго такъ бойко охарактеризовалъ секретарь Краснобѣльской комиссіи.

Вмѣсто отвѣта, Гаврушпенко какъ-то боязливо посмотрѣлъ на меня.

— Я такъ много слышалъ о васъ хорошаго, продолжалъ я:— что считаю себя счастливымъ имѣть такого товарища.

Гаврюшенко не ловко шаркнулъ ногою, но кажется, больше для того, чтобъ выручить свою шпагу изъ непоказаннаго ей мѣста.

— Прошу васъ садиться!

Онъ сѣлъ на самый конецъ стула.

— Позвольте узнать ваше имя!

— Петро Хвомычъ!

Но и первая сказанная имъ фраза достаточно ручалась за то, что онъ чистѣйшій Хохоль; по этому, я позволяю себѣ передавать послѣдующія его рѣчи въ русскомъ переводѣ.

— Ну, любезный Петръ Омичъ, сказалъ я:—слухи носятя, что у насъ въ госпиталѣ не совсѣмъ благополучно; такъ намъ съ вами слѣдуетъ подтянуться, чтобъ возстановить доброе мнѣніе о госпиталѣ; тогда и намъ будетъ пріятно, да и спокойнѣе, знаете, будетъ служить на нашемъ шаткомъ мѣстѣ.

— Это правда, отвѣчалъ онъ тономъ убѣжденія: — наша служба такая, что у насъ мѣсто красить человѣка, а не человѣкъ мѣсто.

Еслибъ онъ сказалъ это о камергерскомъ мѣстѣ, меня не удивило бы такое извращеніе извѣстной сентенціи; но мѣсто комиссара при госпиталѣ красить человѣка, который занимаетъ его!... Надо обладать большимъ даромъ краснорѣчія, чтобъ отстоять такое мнѣніе. Комиссаръ мой, кажется, немного надеждъ подаетъ на это. Посмотримъ однако.

— Почему это вы такъ думаете? спросилъ я.

— Да такъ, иной госпиталь считается самымъ лучшимъ; а между тѣмъ, чиновники въ немъ народъ не хорошій; однако, они тоже пользуются хорошою славою; стало быть, они получаютъ ее отъ госпиталя.

Въ послѣдствіи, неоднократно случалось мнѣ удостовѣряться въ справедливости этихъ словъ; но теперь, я счелъ за нужное сдѣлать противъ нихъ возраженіе.

— Положимъ, что такъ, сказалъ я комиссару, стараясь объяснить свою мысль какъ можно для него понятнѣе:—однако, согласитесь съ тѣмъ, что если мы намѣрены заимствовать нашу красоту, положимъ, хоть отъ этого стула, то не слѣдуетъ ли прежде окрасить его, или, пожалуй, украсить какъ нибудь? Безъ этого, вѣдь не будетъ онъ красивъ, а стало быть, не будетъ красить и насъ.

— Это правда, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, поклонившись и съ видимымъ нежеланіемъ продолжать пренія по такому отвлеченному предмету.

— Если вы согласны, то я надѣюсь, что вы поможете мнѣ подкрасить намъ госпиталь....

— Ремонтировка только что кончилась, прервалъ меня комиссаръ: — внутри стѣны выбѣлили, а въ одномъ корпусѣ и полы выкрасили.... остается только выбѣлить госпиталь снаружи.

Я посмотрѣлъ на него: онъ говорилъ какъ нельзя серьезнѣе, безъ всякаго желанія съострить.

— Теперь, къ намъ новаго инженера прислали, продолжалъ онъ съ выраженіемъ удовольствія въ лицѣ:—работы у него идутъ очень хорошо: гораздо скорѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ у прежняго.

— Любезный, Петръ Ѳомичъ, я не объ окраскѣ госпиталя говорю: я прошу васъ пособить мнѣ подкрасить и подбѣлнить его нашими служебными дѣйствіями, нашею добросовѣстностію....

— Это на счетъ довольствія больныхъ?... Не извольте беспокоиться, Иванъ Константинычъ: все будетъ прекраснѣйше; вы будете довольны и начальство будетъ довольно; я только дождался вашего пріѣзда и вашего желанія, чтобъ начать дѣло какъ слѣдуетъ.

Въ его голосѣ слышалось такъ много правды и доброй воли, что я съ любовью началъ вглядываться въ него. Ему было лѣтъ подь сорокъ; небольшое лицо выражало доброту сердца и много скромности, даже смиренія; въ сѣрыхъ глазахъ свѣтился умъ, проглядывало и простодушіе; но всмотрѣвшись въ это послѣднее выраженіе пристальнѣе, можно было, хотя и съ трудомъ, замѣтить, что подь простодушіемъ скрывается свойственная Хохламъ хитрость, однакожь никакъ не лукавство. Я остался доволенъ фізіономіею моей второй жены.

— Душевно благодарю васъ за это обѣщаніе, сказалъ я Петро Хвомичу: — но отчегожь вы затруднялись до сихъ поръ?

— Хозяина, знаете, не будо, отвѣчалъ онъ немного подумавъ: — а я человекъ маленькій, всякій обидѣтъ меня можетъ; такъ я только и старался о томъ, чтобъ все будо покойно, да не будо кляузъ.

Эта логика показалась мнѣ не довольно понятною. Но объясненію ея помѣшала человѣческая фигура, появившаяся въ дверяхъ комнаты, внезапно, но безъ всякаго шума.

— Это кто такой? спросилъ я комиссара, видя, что вошедшій человѣкъ ненамѣренъ ничего говорить, а только кланяется и запахиваетъ свою потертую суконную, въ видѣ халата, чуйку. Чуйка прикрывала черный шелковый бешметъ съ серебряннымъ, но тоже истертымъ галуномъ, обшитымъ очень щедро, но безъ всякаго вкуса.

— Это нашъ подрядчикъ, сказалъ комиссаръ, поднявшись со стула.

— Качаванскій житѣль Карапетъ Тагархановъ, отозвался наконецъ самъ подрядчикъ.

— Ты Татаринъ? спросилъ я, выслушавъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, его рекомендацію.

— Качаванскій житѣль, повторилъ онъ, продолжая кланяться: — изъ Армянъ.

Его блѣлое лицо, вставленное точно какъ въ рамку между черными бакенбардами; высокій лобъ, черные какъ смоль и густые щетинистые волосы, тотчасъ же напомнили мнѣ и типъ націи, къ которой онъ принадлежитъ, и перековерканное имъ названіе города, въ которомъ она поселена; а бойкіе глаза, полные смѣтливости и лукавства, говорили объ общей его родичамъ страсти къ пріобрѣтенію, этой разумной цѣли, для достиженія которой многіе очень неразборчивы на средства.

— Я слышалъ, обратился я къ Тагарханову: — что въ госпиталь доставляются дурные припасы, совѣтую тебѣ измѣнить этотъ порядокъ, а то будетъ не хорошо.

— Стараемся! отвѣчалъ онъ, не переставая кланяться: — тѣперъ всѣ харашо слава Богу; вотъ, спросите Петръ Өомичъ.... Прежде, точно, случалось; да штожь будетъ дѣлать: и радъ бы дать харошій припасъ, да нельзя.

— Это что такое? Почему такъ?

— Да какъ же, батюшка, контрактъ—цѣна совсѣмъ низкій, вонъ, малага тридцать капѣкъ.... какой-такой малага купишь за тридцать капѣкъ?

— А зачѣмъ брался поставлять по тридцати копѣекъ?

— Я не взялся, ей-Богу не взялся! Подрядчикъ настоящій взялся, а я отъ него принялъ.

— Если принялъ, значитъ выгодно!

— Какой выгодно! Еще ему плачу девять процентовъ съ квитанціи.

— Что это значитъ «девять процентовъ съ квитанціи?» спросилъ я комиссара.

— Значить, если въ продолженіе мѣсяца поставлено въ госпиталь припасовъ, положимъ, на тысячу рублей, такъ Тагархановъ долженъ отдать настоящему подрядчику за переданное право девяносто рублей.

— Отчего же ты самъ не взялся довольствовать госпиталь? Вѣдь тебѣ выгоднѣе бы было.

— Какъ не выгоднѣй! Балшой выгода былъ бы! штожь будешь дѣлаишь! Капиталь моя маленкій; залогъ нада дать — залогъ моя нѣту.... А тамъ, болшой человекъ идетъ торговать въ комиссію: залогъ его много есть — онъ беретъ десять гошпиталь, двадцать гошпиталь и всѣ даетъ нашимъ бѣдный человекъ, а мы ему даемъ — кто девить процентъ, кто десить процентъ; кто больши, кто мѣнши.

— Однако, вѣдь это все на казну рушится, замѣтилъ я, обращаясь къ комиссару: — безъ сомнѣнія, казна могла бы приобрѣтать припасы даже ниже теперешнихъ цѣнъ, если бъ подрядчикамъ не приходилось передавать довольствіе къ другія руки?

Комиссаръ молча сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— На чемъ же основываютъ расчетъ свой эти господа? продолжалъ я: — подрядъ невыгоденъ и въ первыхъ рукахъ; а что же для того, кто перепринялъ его? Явное раззореніе!

Комиссаръ опять сдѣлалъ безмолвный знакъ согласія.

— Странно! сказалъ я немного помолчавъ: — платишь ты девять процентовъ за право довольствія; цѣны на припасы низкія: съ какой же стати принялъ ты на себя подрядъ при такихъ невыгодныхъ условіяхъ? Вѣдь ужъ вѣрно есть выгода, и выгода не маленькая....

— Тѣлки-чтѣ одинъ экономія, началъ-было подрядчикъ, но тотчасъ же замолчалъ, замѣтивъ пристальный, хотя и покойный, даже улыбающійся взглядъ, устремленный на него комиссаромъ.

— Что, что? спросилъ я, услыхавъ знакомое, но еще не совсѣмъ понятное для меня слово.

— Тѣлки надѣюсь на ваша начальнической милость....

— Да чтожь тебѣ поможетъ моя начальническая милость? Не могу же я доплачивать свои деньги, чтобъ избавить тебя отъ убытка, или доставить выгоду.... Ба! да вѣрно, на другіе припасы цѣны очень высоки! вскричалъ я, озаренный новою мыслью: — ну, тогда, конечно, для тебя ровно ничего не значить взять за малагу тридцать копѣекъ.

— Нѣтъ, судирь, и другой припасъ цѣна низкій, вотъ спросите Петръ Ѳомичъ.

— Цѣны, точно, подлыя на всемъ, отозвался комиссаръ: — здѣшнія базарныя цѣны на всемъ выше нашихъ контрактныхъ.

— Ну, такъ ужъ я не знаю, что теперь и думать, сказалъ я: — впрочемъ, мнѣ никакой нѣтъ надобности до этого: ты зналъ что дѣлалъ, когда бралъ подрядъ; а мое дѣло требовать, чтобы всѣ припасы были свѣжи и хороши; и я предупреждаю. что если у тебя будетъ что нибудь не такъ, то снисхожденія не ожидай, я поступаю такъ точно, какъ велитъ законъ.

— Тѣлки этой милости прошу! вскричалъ подрядчикъ и глаза его засверкали удовольствіемъ: — тогда я буду совсѣмъ доволенъ, убытокъ моя не будетъ.

— Ну, не знаю, будешь ли ты доволенъ, замѣтилъ я смѣясь: — а мнѣ кажется, ты скорѣе былъ бы доволенъ, еслибъ отъ тебя принимали припасы не по закону.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не нада, пожалуйста не нада, такъ моя будетъ совсѣмъ парапаль.... Законъ моя нада, законъ — очень хорошій человекъ.

Въ его голосѣ замѣтно было безпокойство, которое отразилось и въ глазахъ, не выражавшихъ уже прежняго удовольствія.

«Что за странность!» подумалъ я, дивясь этой перемѣнѣ: — «отчего это ему хочется законной раздѣлки.»

— Да вѣдь законъ строгъ, сказалъ я, пристально взглядываясь въ плутоватую фізіономію моего подрядчика.

— Строгъ, ужась какъ строгъ! отвѣчалъ онъ, стараясь придать своему голосу такое выраженіе, которое окружило бы законъ еще бѣльшимъ ужасомъ: — такой строгъ, что когда не сделаишь какъ онъ велитъ, совсѣмъ будишь парапаль!

— Такъ для чего жъ ты хочешь, чтобы съ тобою поступили по закону въ случаѣ твоей вины?

— За то, правда будить, судирь, отвѣчалъ Армянинъ уже болѣе покойнымъ тономъ, какъ бы обдумавъ свое положеніе: — правдой на свѣтѣ нада жить, правда будешь дѣлать, всякой чловѣкъ будить харашо.

Ясно, что нибудь да не такъ.

— Ну, хорошо сказалъ я: — а если я стану требовать не по закону?

— Такъ не хорошо, судирь, моя будить парাপалъ и ваша будить не харашо: вонъ, одинъ смотритель за это прочь пошолъ!

— За что жь, именно, онъ пошолъ прочь?

— За дѣло, судирь, пошолъ, законъ не исполнилъ; подрядчикъ жаловался.... «Давай, говоритъ, припасъ хорошій! Давай припасъ, одинъ разъ хорошій, болши ничего не хочу!» Развѣ бываитъ припасъ одинъ разъ хорошій? Законъ нашъ такой: чтобы припасъ былъ такой хорошій, такой хорошій, такой хорошій!...

Подрядчикъ проворно повернулъ при этомъ руками въ разныя стороны, и объясненіе его сдѣлалось для меня понятнымъ до осязаемости: это была ягода клюква, о которой упоминалъ Брыковский. Я взглянулъ на комиссара: онъ сидѣлъ молча, покойно, хотя не безъ участія слѣдилъ за рѣчью и за движеніями Тагарханова, которыми, повидимому, остался доволенъ, и только встрѣтивъ мой взглядъ, кивнулъ, какъ бы въ подтвержденіе, головой. Въ дальнѣйшія подробности вдаваться мнѣ было нечего, но подрядчикъ счелъ нужнымъ пояснить свою мысль еще рельефнѣе.

— Отъ того, судирь, законъ нашъ такой, продолжалъ онъ, постепенно разгорячаясь: — что онъ знайтъ какой цѣна низкій на припасъ; еще онъ знайтъ, что по такой цѣна дай Богъ купить припасъ у мужика, а подрядчику выгода нѣту... О, законъ умный чловѣкъ! докончилъ онъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

— Ну, хорошо, сказалъ я въ разрѣшеніе этой мудреной задачи: — я надѣюсь, въ самомъ скоромъ времени сказать навѣрное, что законно, а что незаконно, а до тѣхъ поръ прошу васъ, Петръ Ѳомичъ, вести ваши дѣла по довольствію больныхъ такимъ образомъ, чтобы все было дѣйствительно хорошо, а законно ли это будетъ или нѣтъ, я пока справляться не стану; только прошу васъ исполнить это непременно, чтобы не ссорить-

ся намъ, хотя на первое время... Ну, теперь, прощай, любезный! заключилъ я, обращаясь къ Тагарханову:—дѣлай, какъ знаешь, только помни, что тогда только тебѣ будетъ отъ закона хорошо, когда припасы твои будутъ дѣйствительно хороши.

Армянинъ откланялся, но, переступивъ черезъ порогъ, вернулся опять въ комнату.

— Мѣбилъ хорошъ будитъ? спросилъ онъ, снова поклонившись и указывая на два стола и на нѣсколько стульевъ, разставленныхъ по комнатамъ и до сихъ не замѣченныхъ мною.

— А это твоя мебель!

— Мой мѣбилъ... изволти... на здоровье!

— Ну, спасибо! А что ты за нее хочешь?

— Ничего не хочешь! Наша служба такой: хорошимъ начальнику служить нада.

— Во-первыхъ, ты еще не знаешь, хорошій ли я буду для тебя начальникъ, или нѣтъ... Мнѣ даже, кажется, что едва ли... А во-вторыхъ, я иначе не возьму твоей мебели, какъ за деньги... Ну, что жъ ты хочешь за нее?

— Ничего не нада, пожалуйста, мой мѣбилъ ничего не стоитъ, а моя будитъ стыдно, когда денги возьмешь.

— Такъ я не беру твоей мебели. Потрудитесь, Петръ Оумичъ, купить для меня какуюнибудь мебель: вы видите, что нужно для этой квартиры... Я съ благодарностью возвращу вамъ деньги.

— Купить здѣсь нельзя, Иванъ Константинычъ, нѣгдѣ... Развѣ прикажете госпитальную посуду доставить? Только все же стульевъ нѣтъ: табуреты... Впрочемъ, можно взять въ конторѣ изъ-подъ писарей, а имъ табуреты дать.

— Это какую жъ посуду?

— Кровати, столики, ширмы...

— Такъ это у васъ посудой зовется?

— Да-съ, это посуда деревянная.

— Ну, такъ нѣтъ же, мнѣ не хотѣлось бы заводитья этою посудою... а пожалуйста, нельзя ли купить?

— Купить, точно, что нельзя; а только безъ этого здѣсь никто не обходится; на что доктора...

— Какъ же быть?

— Возмите, судиръ, мой мѣбилъ, ей-Богу, я...

— Возьмите, Иванъ Константинычъ, кромѣ этой, право, нигдѣ не найдете здѣсь.

— Ну, хорошо, я возьму ее на время, но постараюсь кунить, какъ можно скорѣе, новую.

Подрядчикъ поклонился въ послѣдній разъ и вышелъ, повидимому, очень довольный этою развязкою. За нимъ поднялся и комиссаръ.

— Знаете вы Андрея Егорыча Рыбакова? спросилъ я у него.

— Какъ же-съ, знаю: прекраснѣйшій человѣкъ, первый чиновникъ по цѣлой комиссіи.

— Онъ мой хорошій пріятель и рекомендовалъ васъ, какъ честнаго, усерднаго и опытнаго чиновника; поэтому, я прошу васъ подѣлиться со мною вашимъ знаніемъ дѣла и указать мнѣ, гдѣ будетъ нужно, разныя подробности, въ настоящемъ ихъ значеніи.

— Помилуйте, я не заслуживаю... Впрочемъ, если угодно, такъ это моя обязанность... Только теперь ужъ поздно...

— Да, теперь поздно; а завтра я буду у васъ, и тогда мы поговоримъ подробнѣе.

— Помилуйте, зачѣмъ вамъ беспокоить себя?...

— Вы гдѣ живете?

— Черезъ площадь, на старомъ форштадтѣ... Каждый солдатъ укажетъ... Я ужъ давно вѣдь здѣсь живу; девять лѣтъ.

— Очень хорошо; я завтра зайду... А въ которомъ часу можно застать дома нанихъ госпитальныхъ чиновниковъ? Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать визитъ главному доктору и обоимъ помощникамъ прежде, нежели явлюсь на службу.

— Да лучше всего побывать у нихъ до семи часовъ утра; мы, госпитальные, встаемъ рано, въ шесть часовъ ужъ чай пьютъ.

— А вы?

— Я прихожу въ госпиталь на пріемку припасовъ въ четыре часа утра, а возвращаюсь домой чай пить въ семь.

— А, такъ вы должны и спать ложиться рано!... Ну, я васъ не задерживаю; прощайте, любезный Петръ Ѳомичъ, идите спать.

— Комиссаръ поклонился такъ же неловко, какъ и прежде, и повернулся, чтобы идти.

— Ахъ, да! закричалъ я ему вслѣдъ:—скажите, пожалуйста, какъ фамилія моего помощника? Фельдфебель говорилъ мнѣ, но

должно быть перевралъ; не можетъ быть, что онъ былъ Сизоперцовъ?

— Нѣтъ, его фамилія не Сизоперцовъ, отвѣчалъ комиссаръ, замѣтно конфузясь и путая фамилію помощника въ своемъ мало-россійскомъ произношеніи:—его хвамылія Сыдь... Зысь... Сызь-пэрьдинъ... вишь зъ Нэмцивъ, прибавилъ онъ, окончательно сконфузившись и даже покраснѣвъ.

— Ну, дѣлать нечего, замѣтилъ я, смѣясь: — будете звать его Сизоперцовымъ, а то нѣмецкая фамилія какъ разъ попортитъ нашъ хохлацкій языкъ... Я вѣдь тоже Хохоль, прибавилъ я.

А. СЛЕСАРЕВЪ.

(Продолженіе впродъ).